

ИМАН КАЛЬБИ

ТАИФСКАЯ РОЗА

шейха
Адама

18+

Иман Кальби

Таифская роза Адама

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67988532

SelfPub; 2024

Аннотация

Руки Шейха Адама легли на плечи Ники и потянули вниз полы халата. Мгновение – и девушка оказалась совершенно голой перед ним. Он снова начал ее обходить. Не трогал руками, но трогал глазами. Поцокал языком, коснувшись ее бедер. Он был сзади. И она ощущала его дыхание на своей шее. - Ты похожа на свою виолончель, Ника. На твоём теле будет интересно играть. Я уже предвкушаю всю палитру эмоций, которую ты сможешь мне подарить. Добровольно или насильно, через удовольствие или боль, сопротивление или подчинение. Это решать уже не тебе. Я сам буду решать, когда и что тебе дать. Она приехала на концерт выступить перед гостями Шейха Таифа, но он не захотел ее отпускать и запер в своём гареме. Только так ли проста его пленница? #Современный восток #Очень откровенно #Тайны прошлого #ХЭ

Содержание

Все события в книге вымышленные. Имена, характеры, организации, места, события и диалоги- плод авторского воображения. Любое совпадение с реальностью- случайность.	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	38
Глава 7	48
Глава 8	58
Глава 9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Иман Кальби

Таифская роза Адама

**Все события в книги
вымышленные. Имена, характеры,
организации, места, события
и диалоги- плод авторского
воображения. Любое совпадение
с реальностью- случайность.**

Пролог

Она была у его ног, на коленях – и это дико возбуждало. Адам поймал себя на мысли, что его давно ничего так не возбуждало. Пусть и загнанная в угол, пусть и проигравшая, эта девочка была все еще несломленной, все еще переполненной решимости взять реванш. Сладко, как же сладко было на это смотреть... Как же сладко будет прогибать ее под себя, покорять, укрощать. А потом пить ее добровольную капитуляцию, захлебываясь в экстазе обладания этим совершенным телом, словно любовно вылепленным Творцом специально для него...

Адам опустил большой палец на ее слегка приоткрытые от сбившегося дыхания губы и провел по их идеально четкой кайме. Алые, сочные, невинные... Он мог дать им столько порока. И даст обязательно. А сам изопьёт до дна их неопытность и нежность, сравнимые лишь с шелком лепестков его таифских роз...

Высокая упругая грудь колыхалась от каждого порывистого вздоха – и это заставляло его член уже сейчас болезненно наливаясь диким желанием попробовать ее, пригубить, но он осознанно оттягивал этот неизбежный момент. Слишком легкая победа всегда имеет оскомину зеленого, неспелого фрукта. Вымученная же – напротив, отдает несвежей приторностью перезревшего плода... В этом мире все должно быть в свое время и на своем месте. Эта девчонка ворвалась в его жизнь именно тогда, когда он нуждался в этом больше всего. Когда стало невыносимо скучно и пресно. Что ж, Вселенная в очередной раз на его стороне – он с благодарностью примет ее подарок, пусть даже сам подарок пока и не в восторге от своей участи...

Глава 1

Шикарное авто представительского класса несло ее на бешеной скорости по живописному серпантину. Сердце неистово билось, руки потели – нехороший знак. Может помешать ее идеальному, виртуозному исполнению... Она и забыла уже – как это бывает – волноваться перед выступлением. Руки, струны и смычок, казалось сжились в ее мире созидания друг с другом, как идеальные партнеры. Но сейчас ситуация была в корне иной. От ее выступления слишком много зависело. Слишком важные вещи стояли сейчас на кону...

Каменистый пейзаж скалистых гор понемногу зеленел, делая острые очертания рельефа более мягкими, сглаженными. Ника затаила дыхание, зная, что совсем скоро, судя по навигатору, появится то самое главное чудо Таифа¹, о котором сотни лет слагали легенды... Она включила геолокацию на телефоне, как только села в машину, чтобы и самой следить за маршрутом. Чтобы подготовиться к этому моменту, не пропустить... Чтобы эмоции не захватили ее врасплох, чего в своем положении девушка допустить никак не могла...

Машина немного замедлила ход, а водитель приспустил

¹ Местность на территории Аравийского полуострова

окна, что сразу заставило ее черные, чуть ниже плеч, волосы взметнуться в энергичном танце ветра.

– Смелл (англ.-нюхай), – произнес не без гордости с жутким акцентом араб-водитель, а девушке только и оставалось, что восторженно воскликнуть, стоило машине вывернуть из очередного крутого виража, когда перед ее глазами предстал уходящий за линию горизонта цветочный ковер из роз.

«Ты ни с чем и никогда не перепутаешь аромат Таифской розы, Ника», – мечтательно говорила Марта, импресарио их труппы, которая в этом году приняла вероломное, по мнению многих, решение отправить на ежегодный «Фарах зухур» (араб. – праздник цветов), организуемый в Таифе правителем этих мест шейхом Адамом Макдиси закрытый элитарный фестиваль, именно её. Саму Нику это решение не удивило – она знала, что хоть и пришла в труппу всего три месяца назад и была самой юной из ее состава, играла виртуознее всех. Правда, для ее конкуренток «по смычку», как между собой говорили сами девочки, тоже музыканты, этот аргумент едва ли служил весомым... Тяжело признать превосходство другого в твоём деле, когда речь идет о поощряемой конкуренции. А в их коллективе было именно так – Марта заведомо создавала между девочками конфликтогенную обстановку, чтобы те не расслаблялись, и каждая понимала, насколько зыбко и неустойчиво ее положение. И в то же время, не могла скрыть своей радости, когда увидела талант ослепительно красивой юной стройной брюнетки, по-

павшей к ней в коллектив по рекомендации.

«Пальцы, как бабочки!» – восхищалась строгая и повидавшая немало хороших музыкантов Марта, – «да еще и какая внешность... Малышка Ника, тебя ждет блестящее будущее! Ты рождена сиять, рождена для сцены! Даже имя подходящее.»

Да, она любила свое имя... Древнегреческая богиня победы... Все думали, что она названа именно в честь нее... Правильно, пусть думают... Флер победительницы ей не помешает. Кто бы что ни говорил, человека красит в том числе и имя. Особенно это важно для женщины. Мать ей всегда об этом говорила.

Девушка закрыла глаза и прислушалась к аромату, вмиг наполнившему салон автомобиля через приоткрытые окна. Тонкий запах, запах нежности и невинности. Запах хрупкого счастья и робких надежд. Наверное, ради этой чистоты розы люди и сходили с ума. Но каким бы ни была техника, как бы искусны ни были парфюмеры, создающие из лепестков этих удивительных цветков розовую воду и масло, ничто не могло затмить истинного аромата только – только раскрывшегося бутона на рассвете, растущего на сочном зеленом стебле... Особенно упоителен этот запах ранней весной. Именно поэтому в это время каждый год знатный гедонист и эстет шейх Макдиси и собирал избранный круг людей. Давал им возможность насладиться этой первозданной, девственной красотой...

«Бьютифуль? (англ.-красиво)? – снова со смешным акцентом спросил водитель.

Ника улыбнулась, вежливо ему кивнув.

«Beautiful»... – повторила про себя, вспоминая, как точно так же, но с гораздо более восторженной интонацией использовала это слово Марта, описывая место, куда ей предстояло отправиться...

«Ты даже представить себе не можешь, как там красиво, Ника... хотя бы раз в жизни нужно побывать в этом раю. Девочки готовы глотки друг другу перегрызть за возможность оказаться в этом царстве роскоши, изыска и изобилия. А еще... – она понизила голос, от чего он стал мурлыкающе – чувственным, – чтобы иметь уникальный шанс в жизни увидеть Его Самого... и возможно, даже понравиться его глазу...

– Понравиться его глазу? – со смешком переспросила Ника. Её удивило то, как раболепно и мечтательно сейчас выглядела Марта, стоило только ей заговорить о шейхе Макдиси. Обычно авторитарная и надменная импресарио с жесткой системой штрафов и санкций в отношении своих подопечных вмиг стала кроткой овечкой...

– Не иронизируй, девочка моя. Он Бог. Просто Бог. Прекрасный порочный Бог. Никогда не видела мужчины ярче и величественнее. Зеленые глаза, смотрящие вглубь твоей женской сущности таким острым, мужским взглядом, что, кем бы ты ни была, между ног всё сжимается. Светлые, ко-

ротко стриженные, с идеальными контурами линий волосы. Смуглая, словно бы подсвеченная изнутри медная кожа. Когда я в первый раз увидела, как этот двухметровый красавец с атлетической фигурой в идеально сидящем костюме вошел в зал, думала, мое сердце остановится... Он совершенство. Просто совершенство. И привык окружать совершенством себя. Если и есть на свете идеальный окружающий мир – это мир, созданный Адамом Макдиси. Самые красивые дворцы, самые красивые машины, самые красивые женщины. Так что да, надо сильно постараться, чтобы быть достойным всей той роскоши, которая его окружает...

– Женщины? – переспросила Ника, – что, сказки про восточные гаремы – реальность?

Марта лишь посмотрела на нее многозначительно. Задумчиво. Коснулась щеки девушки тыльной стороной руки. Словно бы оценивая, присматриваясь.

–Твоя кожа белая и гладкая, как фарфор, Ника... На контрасте с черными волосами и алыми пухлыми губами очень выигрышно смотрится. – хмыкнула как – то печально-обреченно, потом добавила, – ты имеешь все шансы привлечь внимание Адама Макдиси. Не упusti своего лотерейного билета, красавица. Его протекция может помочь тебе взлететь к небесам на музыкальном поприще. И не опростоволошься. Потому что точно так же его недовольство может низвергнуть тебя на самое дно пропасти... Уж поверь мне, я знаю, о чём говорю...

Глава 2

Адам Макдиси закрыл глаза, погружаясь в свои мысли. Обычно люди отдыхали и медитировали, чтобы очистить разум. Ему же это не удавалось почти никогда. Тишину и покой, негу удовольствия и патоку спокойствия он всегда использовал для того, чтобы, как он сам говорил, «навести порядок в своем мозгу». Как истинный перфекционист, он ненавидел, когда голова была тяжелой, поток сознания – сумбурным и хаотичным.

Нежные женские руки умело массировали чувствительные точки на напряженной мускулистой спине. То до болезненного удовольствия глубокой проработки мышц, то до приятно щекочущего нервные окончания порхания пальцев по распаренной коже.

– Мой господин слишком напряжен, – нежно проворковала Кейтлин, целуя его в шею.

– Ммм? – Адам был сейчас слишком далеко, чтобы сосредоточиться на том, что говорила женщина рядом. Её красивый, кроткий, но чувственный голос все же вернул его к реальности.

Мужчина глубоко вдохнул грудью тонкий аргановый аромат, наполняющий помещение хаммам. Блаженно вытянулся в теплой воде, поверхность которой была покрыта тончайшим слоем золота.

– Ты опять не со мной, Адам... – с деланным упреком сказала Кейт, переходя теперь к его шее, умело растирая зажимы и там, – как тебе золотое купание?

Полные, идеально очерченные, слегка капризные губы мужчины растянулись в снисходительной, но доброй усмешке, адресованной молодой женщине.

– Ты не устаешь меня удивлять, Кейт. Как всегда.

– Я стараюсь. Эта процедура правда очень полезна. Аргановое масло – источник антиоксидантов и приятно ласкает осязание. 24-каратное коллоидное золото – пик косметологии из Азии. Драгоценный металл проникает в организм на клеточном уровне, омолаживает, насыщает кожу кислородом и микроэлементами... А еще... когда я обмазала твое тело им, ты был похож на Аполлона. Бога солнца, красоты и искусства.

– Хватит льстить, Кейти... – усмехнулся Адам, – мы с тобой не божества. Хотя и неплохо сохранились для своих лет...

Вода в бассейне-чаше затанцевала с характерным всплеском от того, что женщина дернулась. Ей не очень-то пришлось по душе слова мужчины.

– Тебе тридцать пять, мне тридцать три, Адам. Не вгоняй меня в краску. Разве это возраст?

Шейх повернул к ней голову, улыбнулся белоснежной улыбкой, нежно коснулся своими губами ее губ.

– На свете есть еще хоть что-то, что может ввести тебя в краску, красавица?

–Твое равнодушие, любимый... – отвечает она, реагируя на его поцелуй со всей горячностью, отдачей.

Адам разрывает их контакт первым, как это бывает всегда. Вальяжно вылезает из ванной, опираясь идеальными, словно выточенными скульптором жилистыми руками о мраморные края ванной. Не скрывая своей наготы, проходит к вешалке, чтобы взять вафельный халат. Пока ткань не закрывает точеной трапеции его спины, женщина невольно любитесь огромной татуировкой в виде дракона, распростершей свои крылья у него на спине и груди.

–Всё готово к вечеру?–спрашивает он, вытираясь и заходя в гардеробную.

Кейтлин к этому времени тоже успела вылезти из воды.

–Все на высшем уровне, Адам... Впрочем, как всегда.

Он выглядывает из широких дверей, застегивая кипельно белую рубашку из высочайшего качества хлопка. Кейт нагло откидывает полотенце в сторону. Она теперь совершенно сухая и голая. Подходит к мужчине, берет с консоли золотые запонки, умело застегивает их на лацканах рубашки.

Через пять минут он уже полностью одет.

–Пойду, поработаю с документами, – сосредоточенно говорит он, – встретимся на мероприятии.

Судя по выражению лица, он уже далеко, в своих делах, мыслях, планах. Где угодно, только не с ней. Впрочем, как это бывает всегда...

Она лишь вздыхает ему вслед. Не проходит и пяти минут,

как в комнате появляется Омар. Кейт чувствует его присутствие даже не оборачиваясь, по раболепному придыханию и немного приторному аромату парфюма, который раздражает обоняние. Но она готова это терпеть, потому что он верный и проверенный...

–Застегни, – односложно приказывает, давая возможность рукам слуги проворно поднять змейку молнии, заключая ее аппетитные формы в идеальный черный атлас.

Удовлетворенно смотрит на себя в зеркало. Она все еще красива. Спасибо неплохой генетике, правильному питанию и интенсивным занятиям спортом. Но главное ее достоинство и преимущество – это мудрость и тонкий женский ум... Без них она давно бы уже была отправлена на помойку, как пожухшие розы из его плантаций... Ей не раз предвещали скорый закат и забвение, а она все держалась при нем. И будет держаться... Непременно будет... Другие приходят и уходят – она одна...

–Все готово, Омар? Я взяла на себя смелость сказать господину, что все организационные вопросы к вечеру решены...

–Да, моя госпожа. Девушка успела отдохнуть и посмотреть сцену. Ее уже одели. Она не стала репетировать, но даже по одному тому, как она настраивала инструмент после переезда стало понятным – выступление и правда будет изумительным. Марта не подвела. Хотя мы и боялись, что виолончелистка слишком неопытна для такой уникальной сце-

ны, как наша...

– Хорошо, – тихо отвечает женщина, бросая в пустоту печальный, задумчивый взгляд.

– Я думаю, она ему понравится. Редкий, экзотический цветок. – Говорит она вслух. То ли себе, то ли Омару...

– Что Вы, госпожа... – скептически выдает он, но делает это слишком уж наигранно... Он и сам прекрасно понимает, что девушка способна заинтересовать даже самого пресыщенного человека. Профессиональный взгляд не обмануть.

– Не стоит сейчас этих жеманств, Омар. Я знаю, что понравится... – выдыхает печально Кейтлин и от мужчины не ускользает факт того, какая она расстроенная и потерянная...

– Госпожа, Вы святая женщина... Как, объясните мне, как Ваше сердце способно вместить в себе столько любви к этому эгоистичному мужчине?

– Тише, Омар, тише... У этого дворца везде уши. Адам нетерпим к инакомыслию, – шепчет она действительно испуганно, озираясь по сторонам.

– Адам – дракон, друг мой... Его пламя нужно все время поддерживать. Страсть, новые впечатления, эстетика, красота. А я... Простая женщина... Что я могу на фоне океана соблазнов, которые открыты перед ним? Ничего... С самого начала не могла. Единственная возможность быть рядом с ним – самой создавать эти самые соблазны, управлять ими. Только эта форма власти над ним мне доступна. Такова моя

участь...

Когда евнух повернулся к бессменной фаворитке правителя Таифа и Йеменских провинций Химьярита, её глаза были на мокром месте. Что бы ни говорила эта мудрая женщина, какую бы броню ни создавала вокруг своего сердца, оно было давно и безвозвратно отдано Адаму Макдиси...

Вопрос был только в том, насколько это самое сердце было ему нужно...

Глава 3

Ника не сразу поняла, что огромная арка перед ней, из которой открывался удивительной красоты вид на зеленые отроги гор и синее небо – отражение того, что было у нее за спиной, а не реальный пейзаж. И только образ яркой, эффектной девушки в красном платье в пол, в которой она с изумлением признала себя, стал очевидным объяснением того, что архитекторы не зря разместили это огромное зеркало именно здесь. Благодаря умелому дизайнерскому ходу пространство в помещении выглядело безразмерным, утопающим в объеме и воздухе. Она нерешительно, словно опасаясь своими шагами разрушить идеальность картины, подошла ближе к глянцевой поверхности, чтобы лучше себя разглядеть, невольно ахнула.

Девушка знала, что привлекательна. Знала, что мужчины проявляют к ней интерес, а женщины оценивающе косятся. Знала, что стройна, на чей-то вкус даже слишком. Марта называла это изяществом. Ее конкурентки по сцене – чрезмерной худобой. У нее была длинная шея, точеные плечи, идеальная линия изгиба туловища, переходящего в осиную талию и для ее габаритов покатые, аппетитные бедра. Ноги Ники были стройными и длинными. Откровенный разрез ее платья в пол это, конечно же, сейчас выгодно подчеркивал. Как и чрезмерно смелое декольте выделяло ее миниатюр-

ные, но красиво оформленные, словно два сочных небольших фрукта, груди.

Ее волосы не стали убирать наверх, оставили небрежным каскадом ниспадать с плеч. Макияжа немного – легкие румяна и бесцветный блеск для губ. Никаких украшений, кроме небольшого круглого рубина на тонкой цепочке на шее – изысканное дополнение к образу. Вот он, истинный шик минимализма, читаемый в каждой детали.

Стилисты этого удивительного дворца, живущего в своем ритме, смогли, казалось, подсветить ее лучшие стороны и при этом не исказить, не переделать, не переборщить, как это часто бывает, особенно, когда артистам подбирают сценические образы. Грим, свет софитов, напускной образ-все это стирает индивидуальность артиста. Сейчас, в отражении зеркала, она видела не артистку, а саму себя.

– Хороша, – раздался откуда-то сбоку несколько женоподобный, но приятный голос мужчины. Ника резко обернулась на вошедшего из очередных, словно бы не существующих дверей, на первый взгляд, тоже выглядевших, как зеркальный портал.

«Какое-то королевство зазеркалья»... - пронеслось у нее в голове, но она тут же отогнала эту мысль прочь. Кто-кто, а она-то точно знала, что вовсе это никакое не зазеркалье.

Мужчина подошел ближе, удовлетворенно оглядывая девушку.

–Значит, Ника. Прекрасно. – улыбнулся ей с хитрым при-

шуром, – Даже имя красивое. То, что нужно. И как тебе в нашем царстве абсолютной красоты, Ника?

–Красиво, – ответила она с ответной улыбкой. За последние часы она столько раз слышала слово «красота», что стало уже даже как-то немного приторно.

–Неоригинальный ответ...

–Неоригинальный вопрос... – парировала она, на этот раз вызвав искреннюю усмешку у мужчины.

–Я Омар, заправитель этой самой «красоты»,– подходит ближе, откровенно ее рассматривает, – если ты играешь так же восхитительно, как выглядишь, то, считай, сорвала куш... Выйдем на террасу?

Ника молча кивает, хоть вопрос мужчины риторический. Очевидно, куда и когда выйти, здесь решает он...

– Ты видела плантации роз на въезде во дворец?-спросил он, обхватывая перила своими холеными руками. Ника невольно опустила на них глаза, заметив, как сильно были отполированы идеально обработанные пластины ногтей. Или это был бесцветный лак?

Внимательный Омар не мог не заметить ее интереса.

–Да, это покрытие, – ответил он на немой вопрос, – и нет, я не гей. Я... объясняя простым, понятным языком, можно сказать, что я здесь выполняю роль евнуха, подобно тем, о ком ты, наверняка, читала в «Тысяче и одной ночи» или смотрела какой-нибудь занудный и красивый сериал.

–Евнух? – удивленно подняла глаза на мужчину Ника. Да,

он сразу показался ей чрезмерно женственным, мягким, ухоженным, но...

– Не делай такие круглые глаза. Да, евнухи есть и в наше время. И нет, мы не ходим в смешных шальварах и клоунских шапках.

Правда, мужчина был одет в европейский деловой костюм, разве что без галстука. Должно быть, он тоже собрался на концерт.

– Так вот, возвращаясь к сути разговора. Видела эти поля? Не знаю, в курсе ты или нет, но эти поля – не что иное, как всемирно известные плантации таифских роз... Те самые, из которых изготавливают лучшее ароматное розовое масло и воду. Эти земли пятнадцать лет назад перешли к шейху Адаму под управление и стали его любимым местом отдыха. Он даже избрал его в качестве своей летней резиденции.

– А как они перешли к шейху Адаму?

Омар бросил на Нику удивленно-раздражительный взгляд.

– Это то, что тебя волнует сейчас? Население само избрало нового правителя. Впрочем, у нас сейчас урок не истории, а скорее мудрости... Женской мудрости... Дело в том, милая моя, – вежливо продолжил Омар, гибким, почти танцевальным движением руки приглашая ее пройти по колоннаде на террасе, – Его высочество любит окружать себя уникальными вещами и прекрасными людьми – талантливыми, умными, привлекательными. Если хочешь, называй это

гедонизмом. Так вот, красивые женщины- одна из сфер его интереса. Ты красивая, Ника. Как ты отнесешься к тому, что шейх Адам может предложить тебе продолжить знакомство после концерта в более интимной обстановке?

–Что подразумевается под «интимной обстановкой»?–спросила девушка, с трудом подавляя нервное напряжение. Как бы она ни храбрилась, ей было волнительно. И пусть Марта раз сто рассказала о так называемых «дополнительных условиях», все равно, слышать сейчас об этом от Омара, за несколько минут до выступления, за несколько минут до встречи с Ним, было непросто...

–Понятия не имею. То, что происходит между господином и его гостями за закрытыми дверьми – его прерогатива. Могу предположить, что это может быть невинный ужин и интересный разговор, которые, возможно, приобретут какую-то форму продолжения. Одно знаю точно – для гостьи этого дворца внимание его хозяина- большая честь. Им не разбрасываются и его не отвергают. Факт того, что ты здесь, как я понимаю, подтверждает, что ты не против на бонусный вариант своего выступления? Правильно?

Она сдержанно кивает, сглатывая ком в горле. Этот разговор, несмотря на свою внешнюю дружелюбность, груб по сути. Потому что как ни занимайся украшательством, прозаичные вещи не станут поэзией. А продажа себя в любом виде – это проза.

– Должен заранее предупредить тебя, девочка моя. Пожа-

луй, это самое важное, за чем я пришел сюда. Так сказать, мое наставление тебе. Не питай иллюзий и не обольщайся... Шейх Адам, безусловно, личность экстраординарная, которая навсегда изменит твое представление о мужском поле. Конечно, это тот, о ком мечтают. Ради кого готовы на все, но... Твоя роль, как роль других его прекрасных цветочков, весьма скоротечна. Бутоны розы пригодны для того, чтобы стать ароматной эссенцией, всего несколько десятков минут в один единственный день своего созревания. Если пропустить этот момент, они только испортят аромат. Так и девушки. В жизни шейха есть только одна постоянная Женщина. Вы все – просто развлечение, выбранное в масштабах жизни на чудовищно короткий срок, дабы стать ароматной эссенцией, но не зловонной жижей. Понятно?

– Понятно, – глухим голосом односложно отвечает она.

– За времяпровождение с шейхом в случае его желания выбрать тебя заплатят сто тысяч долларов. Вне зависимости от того, что будет происходить между вами за закрытыми дверями. Сразу предупреждаю, торг в этой ситуации неуместен. Это стандартная цена, которую получают все без исключения временные избранницы правителя. Для кого-то это много, для кого-то-мало. Есть вопросы?

–Вопросов нет. – тихо ответила она.

–Прекрасно, тогда готовься к выступлению. Твой инструмент уже ждет тебя на сцене.

Снова осмотрел ее с ног до головы.

–И да, красавица, когда будешь играть, откинь ткань на линии разреза так, чтобы открыть свою ногу. Это существенно повысит твои шансы попасть в круг Его внимания...

Глава 4

Последние минуты до начала выступления. Рецепторы заострены, и в то же время неконтролируемого волнения нет. Это хорошо. Значит, сбоев быть не должно. Ника подходит к зеркалу в гримерной в последний раз и оглядывает себя с ног до головы. Усмехается. Достает из собственной косметички тонкую черную заколку-спицу. Искусно собирает волосы в ракушку и аккуратно подкалывает. Часы на трюмо говорят о том, что ей пора на выход. В этот же момент в дверь стучится менеджер. словно бы торжественно ведет ее по темному коридору в сторону кулис.

На встречу кидается напряженный Омар.

—Где тебя носит? Что так медленно?! Его величество уже в ложе! Он тебя дожидаться должен? И почему волосы заколоты? Стилисты ведь подобрали тебе другой образ!-обрушился на нее.

Спокойно пожала плечами в ответ, игнорируя встревоженность мужчины.

—Не подумала, что распущенные волосы помешают игре, только потом сообразила. Простите.

Он лишь фыркает, оглядывает ее быстро с ног до головы, вертит, рассматривая прическу.

—Ничего. Так тоже красиво. Ладно. Быстро на сцену. Давай только переподтвердим: согласно программе, ты игра-

ешь Сюиту номер один Баха, Вариации на тему рококо Чайковского и сонату Шуберта «Арпеджионе». Все так? Именно в этой последовательности, да?

Ника молча кивает.

—И не забудь про открытую ногу, когда будешь садиться...

Тишина зала. Легкий сквозняк, гуляющий между помпезных драпировок бордовых штор театрального занавеса. Отдающее бьющимся о золото барельефов лож эхо стука ее каблуков по гладкому полу сцены. Единственный софит, направленный на ее стул, возле которого сейчас свою хозяйку ожидает красавица с покатыми бедрами – царственная виолончель.

Ника уверенно проходит к своему месту посреди сцены, попадая под луч света и устремленные на нее глаза зрителей. Она пока не смотрит на них. Она пока не с ними. Портал еще не открылся...

Мимолетно скользит нежной лаской пальцев по лакированной поверхности инструмента. Берет в руки смычок. Немного раздвигает ноги, чтобы пристроить громоздкий инструмент между ними, откидывает одним движением ткань на разрезе, полностью оголяя стройную ногу на высокой тонкой шпильке. Наверное, она сейчас смотрится очень провокационно. Эротичный жест не остается незамеченным. По залу прокатывается шепоток – где-то неодобрительный, где-то возбужденно-предвкушающий.

Ника поднимает глаза и видит в главной ложе перед собой по самому центру статную фигуру мужчины в окружении еще нескольких людей. При другой ситуации ей было бы любопытно рассмотреть его свиту. Но здесь и сейчас ее интересует только Он. Только Его глаза. Его тело, приготовившееся к прыжку, словно это хищник.

Она чувствовала исходящую от него напряженность азарта даже на расстоянии. Адам Макдиси изучал. Оценивал то, что видел перед собой.

Пальцы левой руки Ники опустились на струны. Правая обняла смычок. Девушка непроизвольно облизала чуть пересохшие губы. Глаза её приобрели горячий, острый блеск.

Когда заиграли первые аккорды, наполнившие зал густым, насыщенным звуком, выстрелившим по перепонкам неожиданными басами низких нот, публика встрепенулась. Потому что почти все присутствовавшие сразу услышали, что эффектная девушка на сцене презрительно проигнорировала заявленные в программе произведения. Сейчас она играла Хабанеру из оперы Бизе «Кармен». Жгучую, страстную, вызывающую историю соблазна, историю рока любви, историю дерзости. Ее исполнение было идеальным. Настолько, что казалось, словно сама красавица-цыганка со страниц классики спустилась в реальный мир и теперь рассказывает зрителям собственную историю.

Ника видела, как недовольно поджала губы женщина, сидевшая по правую руку от шейха. Как трясся и суетился рас-

положившийся позади правителя Омар. Кто-то в зале даже не подумал отвлекаться на разночтения в программе и исполнении, наслаждался игрой. Другие, напротив, недоуменно тарасились в предоставленные им на входе в зал брошюры, не понимая, почему всегда идеальная протокольная организация фестиваля сегодня так оплошала, напутав в репертуаре.

Ей было все равно. Потому что она чувствовала – Он был ею поглощен. Здесь и сейчас ей были важны только эти зеленые глаза, принявшие ее дерзкий вызов, упивающиеся остротой момента. По-мужски скользящие по ее фигуре, ощупывающие ее образ. Идеальные полные губы шейха, казалось, усмехались, хоть ни один мускул на его лице с того момента, как она появилась на сцене, не дрогнул.

Ника отчетливо чувствовала – здесь и сейчас между ее внутренней женщиной и этим мужчиной происходил немой диалог. Она говорила с ним своими пальцами, умело вытягивающими из виолончели удивительной чистоты и глубины ноты. Он отвечал блеском изумрудов, заглядывающих если не в душу, то туда, где формировались женское желание и интерес... Последние аккорды. Последнее переплетение пальцев со струнами, последний рывок смычка.

Это так красиво, что зал взрывается аплодисментами. Даже недовольные резкой сменой репертуара вынуждены отступить перед талантом. Зрители предвкушают, какой следующий музыкальный сюрприз она преподнесёт, но... им не

суждено это узнать. Потому что Адам Макдиси достает из нагрудного кармана платок и кидает его вниз...

Ника знает, что это означает.

«Шейх не терпит непрофессионализма. Он пресекает его на корню. Если ему захочется остановить программу в любой момент, ему достаточно просто кинуть вниз из своей ложи платок...» – объяснял ей до выступления Омар.

Все, как в замедленной съёмке. Шелковая ткань красного цвета танцует в объятиях воздуха, неумолимо приближаясь к полу. В миг, когда она касается поверхности, зал сначала замирает, но тут же начинает оживленно перешептываться. Выступление Ники окончено. Дальше концерт продолжают другие исполнители, заявленные в программе в качестве резерва...

Девушка сглатывает, пытаясь справиться с першением в пересохшем горле. В ушах звенит от каждого нерешительного стука каблуков на пути за кулисы, пока она удаляется со сцены. И в то же время, кто-то снова начинает хлопать, отдавая дань ее виртуозной игре, чьи аплодисменты уже подхватывает весь зал. Только это уже неважно. Ее дерзость не удалась? Она ошиблась в своих оценках эмоций? Ему вовсе не понравился ее экспромт? Ярость и раздражение в его глазах она приняла за открытый интерес?

Не проходит и минуты, как к ней на всех парах несется Омар.

–Какова нахалка, а? Ты что вытворила? Я же говорил тебе! Все должно быть согласно программе! Зачем ты это устроила?! Госпожа Кейтлин ведь утвердила произведения, которые следует сыграть...

–Госпожа Кейтлин не разбирается в том, что и когда играть на виолончели, мистер Омар. – спокойно парирует она, – я посчитала ее выбор неуместным и попахивающим шаблонностью...

Мужчина неодобрительно качает головой.

–Кто ты такая, чтобы так говорить, наивная. За твою дерзость тебя бы следовало гнать отсюда в три шеи. Будь моя воля, я бы поступил именно так!

–Так что же мешает? – в ее глазах вызов. Острый и холодный, как нож. Эта девочка с зубками. Омар немного ослабляет напор и агрессию. Сейчас разыгрывается не его партия. Он только раздает карты, не в игре...

– Шейх Макдиси хочет тебя видеть. Прямо сейчас.-Ника не может скрыть триумфа во взгляде, который евнух тут же пытается загасить, – Но на твоём месте я бы не обольщался. Если кто и не приемлет нарушения установленных порядков и правил, так это он. Так что... Не знаю, что именно будет стоять за вашим разговором и для чего он тебя зовёт. Ты проявила неслыханное неуважение к нему как к хозяину мероприятия. Его гости пришли за одним, а что получили? Боюсь, твои неприятности только начинаются, виолончелистка...

Глава 5

Ее каблуки отбивают неровный ритм по мрамору помпезного зала, давящего своим величием и надменностью. Именно надменностью – она читается во всём – в богатстве брендового убранства от Фенди, в роскоши и мягкости текстиля на пятиметровых окнах в пол, на лицах героев картин именитых художников на стенах – а Ника не сомневалась, здесь висят полотна-подлинники. У Него все может быть только оригинальным. На противоположной стороне залы распаивается дверь – в помещение проливается яркая волна солнечного света и на его фоне прорисовывается величественный силуэт статного мужчины. Девушка стискивает со всей силы кулаки, но не сбавляет темпа. Идет к нему навстречу под аккомпанемент словно бы насмехающегося над ней эха.

Шаг, второй, третий – и вот они напротив друг друга, между ними меньше метра. Небрежный взгляд Адама Макдиси цепляется за свое отражение в ее блестящих глазах, спускается ниже – по спинке ровного носа на приоткрытые губы, стекает по тонкой шее, выпирающим косточкам ключицы, останавливается на уровне груди.

–И что это было?–спрашивает он голосом, от которого по оголенной спине сразу мурашки, – что за самовольство?

Его выражение лица строгое, но ей кажется, что там, на дне изумрудных глаз, играет озорство...

– Репертуар был подобран безвкусно.

–Безвкусно?-вскидывает бровь, – в этом доме нет ничего безвкусного. За исключением твоего неповиновения. Оно как раз моветон.

Теперь бровь вскидывает она.

–И Вы для этого остановили мое выступление и решили лично об это мне сообщить? Не мелко для правителя?

–Шейх Макдиси, – говорит он.

–Простите?

–Никто не смеет в этом доме обращаться ко мне без должного уважения. Тем более ты. Для тебя я Шейх Макдиси, Ваше величество или Господин...

–Я не часть Вашего дома...

Он снова впивается в нее взглядом – острым, хищным. Ника невольно ловит себя на мысли, что какие бы слова они сейчас друг другу ни говорили, диалог между его внутренним мужчиной и ее внутренней женщиной продолжается, он не прерывался с того самого момента, как она вышла на сцену. И сейчас эти внутренние «я» поют друг другу совсем другие песни.

–И почему же ты считаешь подобранный репертуар безвкусным? Ты осмеливаешься ставить под сомнение признанных гениев и их творения?

–Вопрос в уместности и избитости. Кого Вы желаете удивить иконными произведениями для виолончели, шейх Макдиси? Ваши гости могут послушать их в любом театре

или консерватории. Это неоригинально, Вы же претендуете на оригинальность и эксклюзив. Кармен – не стандартное произведение для виолончели, но истинный мастер сможет именно на этом инструменте открыть его суть, его душу именно так, как не сможет даже целый оркестр. Вообще, я убеждена, что Кармен – это не про оркестр, да простит меня великий Бизе...

Ей показалось, или его глаза засветились как-то ярче, насыщенной? Это его интерес заиграл в них новыми оттенками?

Шейх взмахнул рукой, приглашая ее за собой. Они вышли через те самые двери, из которых он появился. Оказались на залитой закатным солнцем террасе с красиво сервированным столом для двоих. Пригласил ее присесть.

Услужливый официант материализовался, словно из воздуха. Мастерски открыл «Кристалл» (прим.-марка шампанского) в два движения – поддев ножом пробку после пары выверенных ударов по дну, тут же прикрыв озорное желание пузырьков вырваться наружу. Через минуту два тонких хрустальных бокала были наполнены золотистой игристой жидкостью.

–Я не пью шампанское, – ответила Ника с вызовом.

–Неправда. Ты рискуешь. А шампанское не пьет тот, кто не рискует.

–Клише, – хмыкнула она. –И с чего Вы взяли, что я рискую?

–Ты осмелилась бросить мне вызов своей непокорностью, нарушением заведенных порядков, выставив меня дураком в глазах моих гостей, недоуменно прожигающих программу глазами, когда то, что ты исполняла, не соответствовало заявленному.

–Это не риск. Это расчет...

–В чем расчет?

–В том, чтобы оказаться здесь.

–Даже если так, на первых аккордах знакомства уместно лишь шампанское. Оно интригует.

–Я люблю красное полусухое. Оно интригует.

–Снова моветон. Красное вино – это уже зрелая история, это погружение в суть. А мы только на поверхности. Для красного нужна совсем иная атмосфера...-Адам протянул ей бокал, -чин-чин...

Чокнулись хрусталем своих бокалов от Баккара. Ника не была сильна в брендах, но по чистому, мелодичному звону поняла, что это именно тот самый культовый хрусталь...

–Разве не мы сами выбираем атмосферу под себя, а не она диктует нам условия?-пригубила, не отрывая взгляда от его глаз.

– Смешно бороться с неизбежным, виолончелистка... Есть вещи вне нашей власти. Только глупец это будет отрицать. Этот закат, к примеру. Его не изменить. Он пришел до нас, будет с нами, и продолжит исправно наступать каждый день под финал дня, когда мы превратимся в тлен.

Смысл мне противиться тому, что неизбежно? Вместо этого я могу подчиниться и насладиться...

–То есть шейх Макдиси умеет подчиняться?– снова глоток. Приятная кисловато-сладкая пикантность свежести разлилась по устам девушки, в голову слегка ударило... Она не привыкла пить даже пару капель алкоголя. И внутренне сейчас ругала себя, что из-за чрезмерного волнения попробовала шампанское.

Он улыбнулся в ответ, но промолчал.

–Напомни, как тебя зовут.

–Ника, шейх Макдиси.

–Ника, – словно попробовал он ее имя на вкус, – богиня победы... Красиво... Правда, некоторых необразованных арабов твое имя может сконфузить. Знаешь, почему?

–Нет, мне еще не приходилось иметь дело с арабами до Вас, шейх Макдиси...

–«Ник» по-арабски – приблизительно то же самое, что на английском «fuck»...

–Фу, как грубо для такого эстета, как Вы...

–Отнюдь. Это правда... А с кем приходилось иметь дело?

–Простите?– не уловила она вопроса.

–Ты сказала, что с арабами иметь дело не приходилось. А с кем приходилось?

–Это... – задумалась Ника, – неважно сейчас... Я ведь имею право не отвечать?

Он хмыкнул.

–Раздели со мной трапезу, Ника... Повар старался...

Шейх Макдиси не очень любил говорить за едой. Относился к категории тех людей, кто наслаждается богатством вкуса, не желая отвлекаться. Лишь время от времени прерывался на галантные вопросы – как ей то блюдо или иное. Подавали морепродукты. Шампанское сменила бутылка идеального охлажденного белого вина из его личных виноградников. Ника не хотела больше пить, но купаж настолько приятно ласкал обоняние, а он настолько красиво рассказывал о том, какое гастрономическое удовольствие принесет именно этот сорт вина под сокотрийских² омаров, что она не выдержала и опять пригубила...

– Так что ты говорила про «Кармен» Бизе?– вернулся он к изначальной теме разговора, когда стол уже сервировали десертами, – значит глупцы на лучших сценах мира зря играют его произведения в составе оркестра?

–Вопрос не в Бизе... Вопрос именно в «Хабанере»... Это история одной женщины... Несвятой, сложной, живой, страдающей и жаждущей удовольствия, переживающей драму. Это партия ее души. Именно виолончель может передать эти эмоции – инструмент, который играет струнами души. Инструмент, который единственный может говорить с нашим телом так, как мужчина разговаривает с женщиной... Или наоборот.

² Морепродукты с острова в Индийском океана Сокотра

–Красиво... – сказал он, отдавая должное ее словам.

Пригласил рукой галантно встать из-за стола.

Они прошли к периллам, выходящим на долину, покрытую ковром из роз. Солнце уже почти скрылось за линией горизонта.

–Когда ты играешь, ты тоже рассказываешь свою женскую историю, Ника?–спросил он, поворачивая к ней голову...

–Как артист я вживаюсь в роль и стараюсь рассказать чужую...

–Блеф, – он приблизился. Так, что сердце девушки забилося. Сейчас Адам нарушал ее личное пространство. Его было слишком много... – артисты наделяют персонажей своими чертами. Каждый из нас играет свою роль, пусть она и закамouflирована чужими клише... Какая твоя женская история, Ника?

Его рука ложится на ее талию и слегка притягивает к себе. Она не может теперь не ощущать пьянящий аромат его терпкого парфюма... Сердце заходится с неистовой силой...

Взгляд Макдиси опускаются на ее губы.

–Сочные, влажные от твоего сбивчивого дыхания. Я заметил их еще там, на сцене, когда ты нервно их кусала. Вторые твои губки сейчас такие же влажные?– спрашивает, проводя пальцем по изгибам розовой плоти, чуть задевая белоснежные зубы. Говорит так чувственно, на низких вибрациях, что у нее внутри все переворачивается... – потекла сразу, как меня увидела, уверен. Или еще раньше? Когда гадала,

какую эксцентричную выходку выкинуть, чтобы гарантированно залезть в мою постель, воспользовавшись предоставленным шансом оказаться в моем дворце? Думала обо мне? Думала, как будешь со мной кончать?

Он нагло опускает свой рот на ее губы и целует. Не резко, не порывисто, даже немного лениво, но так порочно, так умело, что ноги подкашиваются.

Его вторая рука перемещается с талии на ее грудь и сжимает.

– Как бьется сердце, виолончелистка. Аллегро, да? Так это называется у вас в музыке?

Она улыбается в ответ.

– Думала, Адам Макдиси. Думала о том, как ты будешь кончать. Со мной... – с этими словами она резко выхватывает заколку из волос и со всей силы, одним выверенным движением замахивается и бьет его аккурат в сонную артерию...

Глава 6

– Какова сучка, а?! – злобно ругается он, резко заваливаясь в кресло, от чего то жалобно скрипит. На нем уже нет пиджака, рукава белоснежной рубашки закатаны, ворот растянут. На рыжую глянцевую поверхность стола опускается, едва не расплескивая содержимое, рокс виски, который он себе сам налил, стоило только им зайти в кабинет.

– Господин, если только бы я знал, -трясаясь от страха, начинает умоляющим голосом Омар, но Адам резко и нетерпеливо его прерывает.

– Заткнись, оставь свои нелепые отговорки для шлюх, которыми ты управляешь. Лучше найди сейчас эту стерву Марту.

– Уже нашли, господин! Она и не скрывалась! Понятия не имела, что здесь произошло! Наши люди уже допросили ее. Она клянется, что и понятия не имела, что девчонка посмеет... – снова осекся, словно бы боясь даже говорить вслух о том, что только что произошло, – она пришла в их труппу по рекомендации, как подающая надежды виолончелистка. Самородок...

– По рекомендации кого? – спрашивает жестко Адам, впиваясь злым взглядом в внуха.

Он умел допрашивать. Умел выбивать из людей информацию, даже не прибегая к физическому насилию. Его мен-

тальное превосходство всегда подавляло людей не хуже острых языков плети...

–Педагог Флорентийской консерватории. Мы его тоже уже проверяем, но там, судя по всему, все чисто...

–Судя по всему... – передразнил его Адам, – у вас все всегда чисто. А между тем, эта сука могла...

Как раз в этот момент в комнату осторожно постучались. На пороге материализовался один из руководителей службы безопасности Макдиси. Лицо этого высохшего, поджарого мужчины, казалось бы, научившегося за годы службы не проявлять никаких эмоций, было мертвенно бледным...

–Господин, – начал он, продрав горло, -заколка, которой эта женщина пыталась Вас ударить, оказалась отравленной ядом черной мамбы... В случае ее удачи, это была бы... мгновенная смерть. Она не просто хотела Вам навредить, она намеревалась Вас убить...

Адам жестко усмехнулся. И почему то, что он сейчас услышал, его не удивило. И почему он заранее знал то, что сейчас скажет безопасник.

Интуиция никогда не подводила шейха Макдиси. В тот момент, когда тонкие руки этой девки взметнулись вверх, а проворные пальцы выхватили из волос тонкую, как спица, заколку, он почувствовал прикосновение ангела смерти, словно бы погладившего его по щеке. Когда-то он уже испытывал это чувство. И тогда его ощущения его не подвели.

Только годы боевых восточных практик, совершенный

контроль над своим телесным аппаратом, умение держать удар и уходить в глубокую медитацию помогли ему перехватить ее руку в буквальном смысле не в миллиметре, а в микроне от того, чтобы сдохнуть от точного, выверенного удара.

Ее руки были сильными, вопреки хрупкому телосложению. Девушка неплохо подготовлена. Оперативно прореагировавшая на его крик охрана жестко скрутила ее, заломив почти пополам. Другая бы на ее месте уже выла бы от боли, а эта... Эта лишь кидала на него исподлобья полные ненависти взгляды, злобно щурясь...

-В карцер эту суку. Без воды и еды, пока не решу, каким образом казнить ее... -процедил он холодно, брезгливо отшвыривая ногой заколку для волос. – вспомнил свое негодование в тот самый момент, когда всё произошло.

– Не понимаю, зачем это ей... – задумчиво произнес Омар еле слышно. То ли для себя, то ли для Адама.

В этот момент безопасник вытащил из кармана небольшой прямоугольник и положил на стол. Теперь возле почти пустого стакана виски лежал черный туз пик.

– Метка фаталов. Самых искусных киллеров Европы. – в ужасе произнес Омар, уже даже не бледнея, а синея...

– Девушка преднамеренно втерлась к Вам... -кашлянул, подбирая слова, – в доверие, чтобы выполнить заказ...

Адам не сказал ничего. Просто попросил их удалиться и оставить его одного.

Он пил уже третий бокал виски, а словно бы воду. Пережитое настолько сильно заставляло у него внутри всё клокотать, что алкоголь никак не расслаблял. Дерзкая сучка. Никто и никогда так нагло и откровенно не смел бросать ему вызов. Какая-то мелкая шармута (араб.-шлюха), оказавшаяся в его дворце только потому, что Кейтлин посчитала ее интересной зверушкой для его зоопарка, хотела его убить. Усмехнулся сам себе под нос. Позорная была бы смерть – от рук эскортницы. Нечего сказать, достойная участь для правителя. Сжал кулаки. Даже не от злости на дуру-соплячку. Было что-то иное, что терзало его похлеще, чем сам факт того, что он, неуязвимый, всемогущий шейх Адам был сегодня в шаге от смерти. Разочарование. Смешно было признаваться самому себе, но он был разочарован тем фактом, что их поцелуй закончился, не начавшись, что она не раздвинула перед ним ноги, что он не попробовал ее. Было что-то в этой нахалке, что цепляло его – и он пока сам не мог понять, что именно. Дерзкий взгляд? Хрупкое тело? Загадка?

–Омар!– закричал он, зная, что тот терпеливо и покорно ждет его у двери снаружи.

Через мгновение в проеме показалась голову внуха.

– Отведи меня к ней... Хочу с ней поговорить...

Адам Макдиси прошел в слабо освещаемое помещение и увидел сидевшей на полу виолончелистку, опасливо, но агрессивно сейчас впившуюся своими огромными черными

глазами в его статную фигуру в проеме двери карцера. Ее тело, все еще облаченное в красное платье, которое успело изрядно пообтрепаться и помяться, сейчас казалось еще более хрупким на фоне массивных неотесанных камней стен тюрьмы. Белоснежная кожа отливала холодной бледностью в тусклом свете оголенной лампы на потолке. Нижняя губа Ники была разбита и немного припухла. Запекшаяся на ней ранка смотрелась как вишневая капля помады...

Подошел вплотную к ней, почти касаясь ткани платья своими ботинками. Посмотрел сверху вниз...

Схватил ее за волосы, намотал их на кулак и заставил задирать голову, заглянуть ему в глаза.

Ершистый, острый взгляд, отдающий ядом презрения и ненависти. Ее реакция на него была странной – даже интересной. Ни грани страха, который он так чутко умел ощущать у загнанных им в угол врагов.

– Как мне убить тебя, виолончелистка? – начал он, – ты же знаешь, что по законам моего государства за покушение на члена семьи правителя полагается смертная казнь...

– Мне плевать, – отвечает смело, дерзко, с вызовом.

По позвоночнику Адама Макдиси необъяснимо прокатывается волна тока. Ее дерзость заставляла сердце биться быстрее.

– Существует много способов сделать казнь долгой и унижительной, Ника... – сам не понял, зачем назвал ее по имени. Сучка не заслуживала этого. Не заслуживала, чтобы это имя

вообще запоминали. Чтобы Он запоминал. Да и вообще – было ли это имя настоящим...

–Повторяю – плевать, – снова дерзость, снова ни грамма сомнений или испуга в голосе...

Шейх усмехнулся. Отпустил ее волосы, заставив голову дернуться.

Она была у его ног, на коленях – и это дико возбуждало. Адам поймал себя на мысли, что его давно ничего так не возбуждало. Вот в чем было дело – это острое, живое чувство вожделения, которого ему так давно не хватало, с тех пор, как пресыщенность стала синонимом его жизненного уклада. А может быть, так было с самого начала, с того момента, как он появился на свет в одной из самых богатых и влиятельных семей региона. Пусть и загнанная в угол, пусть и проигравшая, эта девочка была все еще несломленной, все еще переполненной решимости взять реванш. Сладко. Как же сладко было на это смотреть. Как же сладко будет прогибать ее под себя, покорять, укрощать... а потом пить ее добровольную капитуляцию, захлебываясь в экстазе обладания этим совершенным телом, словно любовно вылепленным Творцом специально для него. Он с жадностью оглядывал сейчас ее хрупкую фигуру и понимал, что хочет. Хочет ее. Дико хочет...

Она была неопытна – он чувствовал это своим искусственным мужским нутром. Это пьянило. Опустил большой палец на ее слегка приоткрытые от сбившегося дыхания губы

и провел по их идеально четкой кромке. Алые, сочные. Он мог дать им столько порока. И даст обязательно. Изопьёт до дна их неопытность и нежность, сравнимые лишь с шелком лепестков его таифских роз.

Высокая упругая грудь колыхалась от каждого порывистого вдоха – и это заставляло его член уже сейчас болезненно наливаясь диким желанием попробовать ее, пригубить – прямо здесь жестко отыметь, показав ее место, но он осознанно оттягивал этот неизбежный момент. Слишком легкая победа всегда имеет оскомину зеленого, неспелого фрукта. Вымученная победа – напротив, отдает несвежей приторностью перезревшего. В этом мире все должно быть в свое время и на своем месте. И тогда он решил посмотреть на ситуацию философски – как учил его наставник по кунг-фу. Все неслучайно. И она сейчас перед ним на коленях неслучайно...

Эта девчонка ворвалась в его жизнь именно тогда, когда он нуждался в этом больше всего. Когда стало невыносимо скучно и пресно. Что ж, Вселенная в очередной раз на его стороне – он с благодарностью примет ее подарок, пусть даже сам подарок пока и не в восторге от своей участи...

–Кто тебя нанял?-ответь на вопрос, – и возможно, я сохраню твою жизнь...

–Я не знаю, кто... Я только исполнитель...-отвечает она бесстрашно.

–Сколько? Сколько стоила моя жизнь?

–Достаточно.

–Зачем заниматься убийствами? Ты красива, могла зарабатывать и тем, ради чего я пригласил тебя сегодня на ужин.

–Я не продаю свое тело, – отвечает с вызовом, все так же отчаянно и дерзко. Искренне.

Он ухмыляется, в очередной раз оглядывая ее.

–У всего есть цена, Ника...

–У меня – нет... – прожигает его ненавистью.

–Есть... Я заплачу тебе очень высокую цену, виолончелистка – я заплачу тебе твоей жизнью. А за это ты станешь моей рабыней. Будешь делать все, что я тебе прикажу.

–Нет... – снова протест, снова шквал ненависти.

– Будешь. Или твои товарки по сцене – Марта и ее девочки, а еще твой старенький учитель в консерватории, дружкой с которым ты так дорожишь, лишатся сегодня же ночью своей жизни вместо тебя.

Она дергается от его слов, как от удара плетью.

–Ненавижу... – выдыхает – и ее глаза увлажняются, от чего они делаются похожими на два огромных черных бриллианта.

–Ненавидь... Мне плевать...

–Ненавижууу...

Это ее «ненавижууу» еще долго звучит в его ушах, дребезжа навязчивым, изматывающим звоном. Он возвращается в свой кабинет, снова плюхается за стол, снова набирает

полный рокс виски со льдом...

Делает пару глотков – дверь настежь распахивается. По-добрав шлейф, в комнату врывается Кейтлин.

– Хабиби (араб.-любимый), я в шоке! – начала она горячо и взволнованно, вызвав волну необъяснимого раздражения во всем его нутре.

Подбежала к Адаму, упав перед ним на колени, начала покрывать поцелуями его ноги прямо поверх брюк.

–Мое сердце разрывается от мысли, что могла сотворить эта гадина! Она за все мне ответит! Я ей это так с рук не спущу...

–Полно, Кейти, – отстранил ее от себя, резко встав, – иди в свою комнату. Достаточно драм за сегодня. Я хотел насладиться хорошим представлением, а в итоге сам сыграл в главной роли...

Женщина поджала губы, слегка покраснев. Было видно, как глубоко она разочарована случившимся. С силой зажала руки в кулаки. Поднялась с колен, максимально грациозно, как это позволяло положение.

Повернулась было к выходу, но тут же почувствовала, как Адам резко перехватил ее руку, развернув к себе.

–Отсоси... – произнес хрипло, садясь в развалку опять в кресло.

Повторной команды ей не требовалось.

Она покорно опустилась снова на колени перед ним, растянула ширинку и глубоко вобрала внушительных разме-

ров орган мужчины.

Он с силой сжимал ее волосы, не щадя горла женщины, запрокинув голову и подаваясь навстречу умелым ласкам.

–Сука, сука, суууккаа... – шептали его губы, а перед глазами были слегка дрожащие пухлые губки с кровоподтеком цвета спелой вишни...

Глава 7

За Никой пришли спустя пару часов, когда она, казалось, успела забыться в тревожном сне, притулившись к одной из стен карцера. В помещение, бряцая увесистой связкой ключей, вошли три сурового вида женщины в платьях в пол. Не проронив ни слова, потянули ее на себя, заставив встать, и тут же зацепили ее руки за спиной наручниками. Не церемонясь, в буквальном смысле пинками погнали к выходу и потом – вдоль узкого коридора. Не прошло и пары минут, как они оказались в довольно просторном светлом помещении с приторным запахом дезинфектора, напоминающим больницу. От контраста света, после долгих часов, проведенных в карцере, Нике пришлось зажмуриться. Поэтому она не сразу увидела стоявшую перед ней статную молодую женщину. Она абсолютно не вписывалась в антураж – красивая, одетая дорого и со вкусом... По ней сразу читалось – она принадлежит миру Макдиси. Это же помещение, как и карцер, являли собой скорее оборотную сторону, изнанку этого королевства кривых зеркал.

Женщина подошла к Нике ближе, внимательно вгляделась в ее лицо и со всей силы, наотмашь, ударила.

–Шлюха... -процедила она злобно.

Ника почувствовала металлически-соленый привкус крови во рту. Должно быть, рана на ее губе снова открылась.

Она пыталась сопротивляться, когда ее тащили в карцер после неудавшейся попытки убить деспота. Сопротивление подавлялось всеми возможными способами, включая рукоприкладство.

–Ты заслуживаешь долгой, мучительной смерти, – снова с ненавистью выплюнула женщина.

Ника вскинула голову.

–Тогда почему я до сих пор жива?–старалась держаться как можно более уверенно, хотя сил ей на это хватало все меньше.

–Только потому, что Он любит игратья экзотическими игрушками, дура. Не питай иллюзий. Ты закончишь плохо. Только перед этим он хорошенько с тобой поразвлекается. Даже представить себе не можешь, какими порочными и извращенными могут быть желания Адама Макдиси, наивная идиотка. Поверь мне, смерть – не самое страшное, что могло бы с тобой случиться в стенах этого дворца...

–Поэтому ты так крепко за него держишься? Марта мне рассказала. Я знаю, кто ты. Рыба-прилипала, столько лет надеющаяся стать чем-то большим для него, чем просто...

Она не успела договорить, потому что почувствовала, как хлесткая пощечина обожгла теперь и вторую ее щеку.

–Кто ты такая, тварь, чтобы обращаться ко мне на «ты». Для тебя я госпожа!

–Разве в этом доме не один господин? Шейх не женат. Ты просто его любовница. Ничем не отличаешься от других.

Кейтлин злобно хмыкнула, подходя теперь вплотную к Нике настолько, что можно было уловить ее дыхание, словно бы тоже парфюмированное.

– Я та, кем тебе не быть никогда! И никому из вас не быть, глупые малолетние подстилки! Что у вас есть? Только молодость! Самый ликвидный и дешевый товар в наши дни! Поверь мне, ты не удержишься в его жизни больше, чем на месяц. Я-то знаю. Хотя... «В жизни» – для такой, как ты, громко сказано. У тебя нет места в его жизни. Ты как отхожее место, сосуд для того, чтобы справлять нужду.

Губы Ники слегка дрогнули в подобии усмешки.

– Ты так усиленно это себе внушаешь, что у меня даже появились опасения, что я и правда могу задержаться здесь дольше, чем хотелось бы... Только ты не учла одного – мне не нужен твой шейх, и мне плевать, какое место я могла бы занять в его жизни. Вчера я хотела, чтобы он сдох. Я промахнулась. Но это не значит, что теперь я этого не хочу. И не значит, что я не попытаюсь сделать это снова.

Кейтлин чуть заметно наклонила голову, словно бы разглядывая Нику.

– И зачем только он оставил тебя в живых? Никчемная худышка. В тебе нет ничего. Злобная и глупая. Я думаю, ты не продержишься и месяца. Доктор Маурер, – громко крикнула женщина.

Прошла секунда – и из соседней комнаты показался тучный взрослый мужчина в медицинском халате и очках, по-

что старик...

–Тщательно осмотрите новую игрушку правителя. Проверьте все ее дырки. Не осторожничайте. Уверена, эта сука пропустила через себя целый легион мужиков.

Кейтлин удалилась из комнаты, а Ника только сейчас поняла, как сильно бьется ее сердце. Словесная дуэль с ревнивой любовницей – ерунда на фоне того, что ей выпало глобально. А здесь и сейчас ей предстояло пережить первое из многих своих унижений в этом дворце. Горечь осознания этого факта накрыла ее в полной мере только сейчас. Там, во тьме карцера, эта правда была словно бы запрятана. Как же гадко, как же неприятно.

Мужчина оценивающе обошел девушку, расстегнул наручники. Ника тут же обхватила свои запястья. Руки сильно затекли.

–Ника, да? Так тебя зовут? Веди себя хорошо, Ника. Будь хорошей девочкой. Я явно не тот человек, с кем тебе нужно воевать. Прибереги свои силы для других противников, реальных. Вот халат для осмотра. Снимай с себя все, надевай его и проходи в соседнюю комнату.

Ника едва подавила громкий всхлип – тон этого взрослого мужчины, годившегося ей в отцы, миг всколыхнул в душе такую жалость, боль к самой себе. Как же обидно ей было. Здесь и сейчас она была ни кем иным, как маленькой, загнанной в угол девочкой, у которой не было никого на свете.

Один на один со всеми своими демонами, столько лет терзавшими душу.

Сняла в два счета платье, сжав зубы, натянула на себя ненавистную робу, оставляющую ее совершенно открытой сзади. Мысль о том, что она станет игрушкой в руках этого тирана, была нестерпимой. Она знала, что как только опытный доктор посмотрит на нее, все сразу станет понятно. Уже представляла полные триумфа и похоти глаза ненавистного Макдиси. Нет, нет... Она не доставит ему такой радости!

Глаза судорожно забегали по комнате, где, казалось бы, кроме личных вещей доктора, не было ничего. Взор сам упал на длинную палку-трость, видимо, используемую стариком для того, чтобы опираться на нее во время ходьбы – она сразу заметила, что он хромот.

Не думая о последствиях, подбежала к ней, схватила, развела свои ноги и начала было со всей силы заталкивать ее в себя, чтобы...

Не успела. Старик был проворнее, чем она думала. В один мах оказался возле нее, отшвырнул трость и со всей силы потрянул ее за плечи.

–Что ты творишь, глупая?!-закричал, снова встряхивая.

–Нет! – не выдержала, зайдясь в рыданиях, – ему не достанется моя невинность! Он не станет... Нет! Хочу, чтобы он думал, что у меня были сотни, тысячи мужчин! Что он далеко не первый! – кричала она, – пожалуйста, я вижу в Ваших глазах человечность! Вы не такой, как все они, его верные

псы! Псы на услужении у дьявола! Уберите мою девственность – я знаю, так делают врачи. Скажите, что у меня уже были... мужчины...

– Дура, зачем это тебе? – продолжал доктор тихим, успокаивающим тоном. Если бы не ее истерика, она бы сейчас заметила, что он стоит и гладит ее по голове, – это может, напротив, стать твоим преимуществом!

– Какое преимущество?! Я не хочу быть его шлюхой!

– Тогда почему ты здесь?

– Я должна была его убить! Просто... Все сорвалось.

Доктор тяжело вздохнул...

– Тогда ты полная дура, девочка. Ягненок, полезший в пасть ко льву. Никто, никто не спасется от пламени дракона, Ника. Он все равно тебя испепелит. Или изменит. Другого выхода нет. Поддайся и подстройся – и тогда сможешь выжить. Шейх Макдиси добр и справедлив, он не воюет с женщинами, он их укрощает. Это дело времени. Не только твое тело, но и разум окажутся в его власти. Так зачем усложнять свою жизнь? Поддайся потоку, не трать зря силы. Ты безумно красива, нежна, невинна, истинная таифская роза. Произведение искусств. Не давай ему тебя сломать. Позволь ласкать твои лепестки, не причиняя излишней боли...

– Нет... Нет... Нет... – судорожно шептали ее губы, а лицо было спрятано за разметавшимися волосами.

Доктор лишь вздохнул.

– А теперь не заставляй меня звать на подмогу и использо-

вать силу. Проходи в соседнюю комнату на осмотр. Всё будет быстро. Я не желаю тебе зла и боли...

Она закрыла глаза, стараясь не думать об унижительных манипуляциях, которым сейчас подвергали ее тело. Попыталась отключить разум и мозг, абстрагироваться. Мечтать о хорошем, вспоминать редкие улыбки матери, ощущения скользящих по струнам пальцев, словно бы любовно перебирающих волосы родного, близкого человека.

–Закончили, девочка. Можешь вставать и одеваться. Там, в соседней комнате тебя ждет горничная, которая отведет тебя в душ и выдаст твое новое платье. То, в котором ты пришла, уже грязное и некрасивое. А в этом дворце не бывает ничего некрасивого и грязного. Разве что мысли его обитателей.

Он снова пил... И снова впустую. Ни грамма опьянения. И почему эта ситуация его не отпускала? Шейха Макдиси пытались убить – и не раз. Он привык к тому, что враг может напасть с любого угла. Именно поэтому и ушел в длительные, изнурительные тренировки. Освоил техники, позволяющие ему не просто обороняться, а предугадывать, предотвращать. Но эта девчонка... зачем это ей? Идеальная красота, идеальное исполнение. Она могла бы быть звездой, перед которой бы ниц падали богатейшие и влиятельнейшие мужчины этого мира, а она... Жалкие мизантропы фаталов,

отчаянные самоубицы, готовые на любые риски ради исполнения заказа. Извращенный орден по подобию то ли иезуитов (прим. духовный орден христиан-аскетов), то ли ассасинов (прим.— члены религиозно-военизированного формирования у мусульман-исмаилитов в XI-XIII вв.), только в более бессмысленном, ничтожном исполнении... И тем не менее — перед ним на столе лежала найденная при ней карта туз пик, визитная карточка фаталов, оставляющих такую метку на месте убийства... Кто завербовал ее? Кто отправил ее этим путем? Почему научил убийствам, а не любви?

В дверь постучались. На пороге показался Омар, посмотревший на шейха многозначительно-вопросительно. По одному его взгляду было понятно, тот принес ему какую-то очередную важную информацию.

—Господин, Вам стоит на это посмотреть. Результаты медицинского осмотра девчонки.

Протянул красивую кожаную папку.

—Что там? Стерва умудрилась спрятать при себе еще и гадюку? Это не последний ее сюрприз? С нее станется, — усмехнулся мрачно.

Вгляделся в заключение врача. Перечитал. Губы невольно искажила чуть заметная усмешка. Хорошо, что он сидел за своим большим, массивным столом. Иначе бы Омар увидел, как снова вздыбился его член, стоило ему подтвердить собственную догадку.

Красотка невинна. Он сразу почувствовал эту неопыт-

ность, неумело прикрываемую резкостью и бравадой. Думал, дело просто в том, что ее никто для себя не раскрыл, не показал ей, как быть женщиной, но такое... Абсолютная невинность тела. Всего. Старик Маурер знал толк в том, чтобы безошибочно определять всё, что женщина могла делать, даже из того, что не оставляло за собой следов. Физиология все равно давала все ответы – говорил старый доктор. Он был уверен – ее губы тоже нецелованные... Мужское чутье подсказало ему это, как только он коснулся красноватых, вспухших лепестков. Это так и раздосадовало его, когда вместо вкусного продолжения пришлось спасать свою шкуру от быстрой смерти от яда.

Откинулся в кресле. Посмотрел на Омара.

–Марта говорила?

–Нет, господин. Вы знаете, по девственницам мы все всегда оговариваем отдельно, чтобы ни у кого не было претензий. Канал Марты – это умелые девушки, знающие, как приносить удовольствие мужчине, готовые на всё. Мы всегда набираем невинных отдельно.

–Не посвящай меня сейчас в эту ненужную ерунду. Где она сейчас?

–Ей выделена небольшая скромная комната. Мы накормили ее и заперли.

Выдохнул.

–Хорошо, через час я пойду в хаммам. Приводите ее туда. Омар чуть заметно дернулся.

–Господин, Вы ведь... Госпожа Кейтлин... собиралась с Вами...

Адам хмыкнул.

–Я ведь ничего не сказал о том, чтобы госпожа Кейтлин не приходила.

Глава 8

Снова эта дикая, бьющая через край роскошь... Ника хотела бы назвать ее вычурной, но язык не поворачивался. На самом деле, все, что окружало Адама Макдиси, было ярким, запоминающимся, эффектным, и в то же время, ненавязчивым. словно бы какая-то невидимая сила проверяла, соблюдены ли идеальные пропорции, будь то в интерьерах дворца, внешнем облике шейха или окружающей его свите.

Место, куда ее повели, тоже было именно таким – идеальным. Ника зашла в открытые для нее молчаливой прислужницей деревянные двери, украшенные золотым кантом. Мягкая подошва специальных тапочек на ногах делала ее шаги почти бесшумными. Только красивый халат в пол из бежевого, с золотым отливом бархата, подпоясанный на талии двумя пушистыми кисточками, создавал мягкое шуршание по полу.

Там, впереди, за аркой, она слышала приятный плеск воды и приглушенные разговоры – воркующий голос женщины и расслабленно-утробный мужчины. На заднем фоне играла приятная, мягкая музыка, матовый и теплый блеск свечей красиво играл на оттенках золота, составляющих главный лейтмотив тонально-стилистического убранства хаммам. Даже витражи на куполообразном потолке были выполнены в этих оттенках. Эта атмосфера могла бы ее успоко-

ить, расслабить, но не в ее ситуации. Ника чувствовала себя сейчас как один большой накаленный нерв. Чертова идеальность, которую хотелось разрушить до основания.

Девушка прошла вглубь помещения, преодолевая арку, чтобы увидеть перед собой красивый бассейн с воркующими внутри Адамом Макдиси и уже ставшей ненавистной Кейтлин.

Адам смотрел на девушку расслабленно. Почему-то совершенно невраждебно. Только отчетливо прорисованный триумф читался в радужке глубоких изумрудных глаз. Кейт же, оторвавшись от мужчины в момент, когда одаривала его одной из самых сладких своих улыбок, обожгла Нику ненавистным и презренным взглядом. Еще мгновение назад игравшая на губах медовая сладость вмиг превратилась в горький, устрашающий оскал...

Ника дошла до края бассейна и остановилась. Ее щеки невольно зарделись пунцовым цветом. Ей показалось, или Макдиси это заметил и чуть усмехнулся краем губ?

—И что ты в ней нашел, Адам?—спросила Кейт громко, чтобы специально показать Нике, что ей дозволено обращаться к нему по имени.

Он оставил ее комментарий без ответа, продолжая изучать девушку, вцепившуюся в края своего халата в этот момент, как в спасательный круг.

Минута – он подплыл к краю бортика, тут же вылез из воды и, совершенно не стесняясь своей наготы, подошел к Ни-

ке. Она невольно отвела глаза в сторону, не желая смотреть на то, что у него между ног. Но тут же взяла себя в руки. Она не даст ему почувствовать свое превосходство, не даст понять, что смущена...

В ту же минуту их глаза встречаются. Он совсем близко, нависает над ней. Его мокрая кожа, на которой танцуют капельки воды, светится таким же золотом, как и убранство вокруг. Он сам словно из золота. Дьявольская красота, неземная.

Его рука касается ее подбородка. Не лаская, но нежно.

– Дерзкая... – говорит тихо, теперь уже в открытую усмехаясь, – не боишься меня, девочка?

– Нет! – беззастенчиво врет Ника, отстраняясь от его пальцев.

– Тогда почему хотела порвать себя палкой? Неужели наивно подумала, что я не узнаю? – наклоняет голову набок, наблюдая за ее реакциями.

– Мне плевать на Ваше мнение. И плевать на то, узнаете Вы или нет. Но наверняка, преуспей я, Ваш триумф уже не был бы таким абсолютным...

Адам хмыкает, обходя ее по кругу. Рассматривая.

– Триумф? Триумф бывает после серьезной победы, Ника. А в отношении тебя, простой пустышки, оказавшейся у меня во владениях, это слишком громко сказано. Ты много возомнила о себе, девочка – киллер... Хотя нет, была бы ты киллером, то не стояла бы здесь, передо мной, голым, в моей

ванной. Умасленная и приготовленная для меня, осмотренная врачом, проэпилированная до последнего волоска на теле. Ключевое из всего, что ты сказала – что ты не преуспела. Ни в чем не преуспела. Ни в убийстве меня, ни в том, чтобы разорвать свою девственную плеву. Ты проигравшая, Ника. Вот правда, которую ты так боишься и из-за которой так ершишься...

Его руки легли на ее плечи и потянули вниз полы халата. Мгновение – и девушка оказалась совершенно голой перед ним. Она невольно бросила взгляд на всё еще находящуюся в бассейне и внимательно наблюдающую за происходящим Кейтлин – и встретила там только еще больше яда и ненависти...

Адам Макдиси снова начал ее обходить. Он не трогал руками, но трогал глазами. И она так ярко, так отчетливо ощущала эти прикосновения, что становилось дурно. Непроизвольно попыталась прикрыть себя, закрыться, ссутулиться.

Он поцокал языком, коснувшись ее бедер. Он был сзади. И она ощущала его дыхание на своей шее.

– Ты еще маленькая и глупая, Ника. И ничего не понимаешь. Еще мгновение назад ты была проигравшей, а сейчас, стоя в таком виде передо мной, можешь быть победительницей. С таким идеальным телом женщина может быть только победительницей. Это твой единственный козырь сейчас, так что используй его правильно.

Его слова одновременно и задевали ее, и волновали, и де-

морализовали. Мерзавец знал, как манипулировать сознанием, как усыплять бдительность, жалить и тут же зализывать укушенное место...

– Мне не нужна такая победа... – ответила хрипло, а он лишь рассмеялся.

– Блеф. Человеку нужна любая победа. В этом его природа! Все мы рождены для того, чтобы побеждать, и только неудачники говорят, что победа – не главное!

Встал к ней лицом, провел руками по шее, талии, бедрам, задержал руки на ее лобке, но дальше не нырнул.

– Ты похожа на свою виолончель, Ника. На твоём теле будет интересно играть. Я уже предвкушаю всю палитру эмоций, которую ты сможешь мне подарить. Добровольно или насильно, через удовольствие или боль, сопротивление или подчинение. Это решать уже не тебе. Я сам буду решать, когда и что тебе дать. Ты же можешь выбрать только из двух вариантов – насладиться своей ролью красивой женщины – победительницы, с высоко поднятой головой и походкой от бедра или стоять вот так же, как сейчас, глупой незрелой девчонкой, ссутулившись и стесняясь, будучи униженной своим статусом...

Снова отпрянула от него, снова дернулась. Плевать, что за этим последует – порывисто наклонилась, схватив с пола халат, судорожно прикрыв свое тело, словно бы это помогло ей спрятаться от истины, которую он сейчас глаголил...

Подняла на него полные ненависти глаза и прошипела

сквозь зубы.

–Только мысль о том, что ты, чудовище, можешь убить ни в чем не повинных людей в случае моего неповиновения вынуждает меня слушать весь тот бред, который ты говоришь. Ты можешь позвать даже всю свою армию, чтобы они держали меня, когда ты будешь меня терзать, но знай одно – никогда и ни при каком раскладе я не буду получать с тобой удовольствие и не отдамся тебе добровольно. Что бы ты ни делал, как бы ни пытался меня одурманить, опоить, морально уничтожить. Я не одна из этих твоих слабых и никчемных шлюх, вроде той, что плещется в твоей ванной позади нас, вынуждая себя тебе улыбаться, а сама ненавидит себя и ситуацию за то, что ты сейчас так нагло и беззастенчиво смотришь на меня и хочешь меня, а не ее. Вот тебе ответ победительницы, Макдиси...

Она говорила, а он слушал совершенно спокойно, безэмоционально. Иногда чуть заметно улыбался. Казалось, его даже забавляла ее тирада.

В конце хмыкнул, приподняв бровь. Капризно скривил полные губы.

–Все-таки глупая незрелая девчонка. Кейтлин, – повелительно обратился к своей любовнице через плечо, – раз так, то прикажи ей вымыть рот мылом, как поступают со сквернословящими, невоспитанными малолетками.

С этими словами шейх Макдиси пошел на выход, на ходу хватая полотенце.

Ника все еще ощущала во рту гадко – щиплющий прикус щелочного мыла – самого термоядерного, вонючего из всех видов. Ее глаза были красными и продолжали щипать – Кейтлин постаралась, чтобы гадкая субстанция попала везде, где только можно.

– Скажи спасибо, что тебе не промыли другие части тела, – злобно усмехнулась она, не без удовольствия наблюдая, как бедная девушка давилась от мыльной пены, – будешь и впредь такой строптивой и глупой, то ли еще будет...

Ника в очередной раз сплюнула гадкий осадок во рту, пытаясь разлепить глаза, пылающие от боли.

– Почему это доставляет тебе удовольствие? Ты сумасшедшая или таким образом отыгрываешься за его нелюбовь к тебе?

И зачем только она опять к ней обратилась, зачем опять спровоцировала. Секунда – и щеку Ники в очередной раз обжег удар. Под ногами было скользко – она не удержалась, упала и больно ударилась бедром о фаянсовую раковину. Хорошо хоть, что не головой...

Кейтлин, казалось, тоже испугалась, что девица могла расшибить себе что – то посерьезнее и почти сразу ретировалась, напоследок осыпав Нику очередной порцией уничижений и ругательств.

Прошло уже часа три с того момента, как ей дали возмож-

ность принять душ и смыть с себя ненавистную пену, но навязчивый запах мыла все еще был на ее коже... К величайшему облегчению девушки в ее маленькой комнатке оказался балкон, где она и проводила уже битый час, дыша горным воздухом, всматриваясь в бесконечность линии горизонта и красоту убегающего вниз от дворца ущелья. Ни малейшего шанса сбежать. Этот балкон – словно гнездо орла. Почему – то вспомнилась странная и пугающая в детстве сказка про Синдбада – морехода и птицу Рух. Вот и сейчас она была в пугающем и малопонятном мире, куда ей пришлось попасть.

-Кх-кх, -послышался рядом уже ставший знакомым голос Омара, – ты как, жива?

Ника печально усмехнулась в ответ.

–Словно бы это Вас волновало...

–Меня это волнует, милая... до тех пор, пока ты здесь, так или иначе я должен о тебе заботиться, как о всех его цветочках. А ты пока делаешь все, чтобы мне было это делать все сложнее и сложнее. Зачем ты провоцируешь и дерзишь ему, Ника? Покорись. Закрой ту дверь. Ты не преуспела в своем плане, зато можешь добиться успеха в другом...

Омар сел на соседнее кресло, словно бы они были давними приятелями, приятными собеседниками. Деланно поморщился, помахав рукой возле носа.

–Мда, пахнешь, словно ванная после уборки...

Ника проигнорировала его милое глумление. Ей было не

до шуток, пусть и циничных.

– В чем преуспеть? Вступить на тропу войны с этой мегерой Кейтлин? Он этого хочет? Утончённый шейх жаждет женского рестлинга? Я пасс. Да и вообще, к чему это Вы призываете? Мне кажется, Кейтлин как раз не в восторге от моего присутствия здесь, а Вы ведь ее друг, соратник... Что за игра? Зачем Вам изображать из себя моего союзника? Почему здесь все во что – то играют?

– Милая, какие союзники. Ты до сих пор не поняла? Это серпентарий (прим. –пространство для содержания змей). Здесь не бывает союзников или врагов. Здесь каждый друг другу заклятый... А кто- решать только тебе и чуточку судьбе. Дворец на то и придуман, девочка, чтобы играть в партии жизнями и судьбами. И нет, ты ошибаешься по поводу Кейтлин. Госпожа сама выбрала тебя и одобрила из списка, просто... все очень сложно пока понять, Ника. Шейх Макдиси непростой человек. И далеко не такой монстр, каким ты его себе почему – то нарисовала. Там все непросто...

– Мне не интересно, какой шейх Макдиси, – резко перебила евнуха Ника.

– Неправда, девочка. Я слишком много повидал таких, как ты. Прекрасных, неопытных, себе на уме. И он тоже. Ты сама еще не понимаешь, а уже в его власти. И он это прекрасно понимает, – бросил на нее хитрый, пронизательный взгляд, – Это нормально. Неделя – месяц – пару месяцев – он добьется своего. Не прикладывая усилий, не выходя из своей зоны

комфорта. Могу повторить тебе лишь тот совет, который уже давал – не влюбляйся. По крайней мере, постарайся понять, что его сердце никогда не будет твоим. Ты не растопишь его. Трагедия Кейтлин в том, если хочешь знать, что она это не приняла душой, хоть и понимает головой. Постарайся не идти ее путем – и уверен, он отпустит тебя и даст тебе намного больше, чем то, с чем ты сюда пришла. Даже несмотря на то, что ты натворила...

–Едва ли. Я пришла убить его. На меньшее я не согласна...

Омар снова хмыкнул.

–В этом мы с тобой похожи, Ника. И тебе, и мне Аллах послал возможность получить то, чего мы не хотели, но что было нам уготовано. Я тоже не хотел быть изуродованным недомужем, но не стань евнухом, скорее всего, кончил бы еще много лет назад с перерезанным горлом в какой – нибудь сточной канаве. Ты хотела быть грозным оружием смерти, а станешь прекрасным цветком любви и наслаждения. В конечном итоге, смысл нашей жизни в предназначении. Пусть и в странной роли, но мы получили его...

– Я не согласна, – ответила она твердо, снова устремив взор на бескрайнюю бездну снаружи.

Омар проследил за ее взглядом и улыбнулся.

–Господин очень мудр, Ника. Выбор есть всегда. И он сейчас перед тобой.

Ника пораженно посмотрела на евнуха, понимая, к чему он клонит.

–Я сейчас уйду – а ты прими решение. Никто не будет тебя останавливать, каким бы оно ни было. Что – то в твоём дерзком непокорном взгляде мне подсказывает, что ты сделаешь правильный выбор. Если так, то завтра утром шейх приглашает тебя тет – а – тет в одно интересное место. Отказаться ты, конечно, права не имеешь. Но цени то, как он посылает свой приказ в форме приглашения, Ника, это многого стоит. Если же ты примешь иное решение, то удосужься оставить на журнальном столике адрес кого – то из твоих родственников, кому нужно будет передать твой прах. Обещаем, все, что останется от твоего тела после падения, сразу соберут, чтобы стервятники не клевали твою плоть...

Глава 9

Ника в очередной раз за день вышла на балкон – вдохнуть пьянящего свежего воздуха гор. Подошла к краю, ухватилась до побеления костяшек за перила – голова кружилась, стоило только посмотреть вниз. За эти часы, признаться, она несколько раз снова и снова возвращалась сюда. Слова Омара не давали покоя. И дело было не только в том, что он в открытую, по сути, сказал ей о шансе самой свести счеты с жизнью. Не отпускали слова о Макдиси. Ника нервно закусывала губы, понимая, что проницательный Омар, конечно, был прав. Адам слишком опытный манипулятор, чтобы тягаться с ним в открытую, на равных. Даже тот факт, что здесь и сейчас он дал ей это право таким образом выбрать смерть или по факту проявить слабость, уступив ему, невероятно раздражал. Через ее собственный выбор он хотел показать ей, что доминирует. Что это он решает.

Настырно мотнула головой. Ничего он не решает. Она выбирает жизнь не потому, что он так решил. Она знает смерть. Знает ее запах, знает ее голос, знает ее глаза. Хотя бы раз это увидавший, словно бы сохраняет на себе этот отпечаток знания на всю оставшуюся жизнь. Нет, всё не будет так просто для него. Не так глупо и расточительно для нее.

Услышала, как в комнату приглушенно постучались. Забавно... Стук? Она ведь бесправная пленница. Зачем ко-

му-то нужно к ней стучать? Очередная игра? Манипуляция? Усыпление бдительности? Уже знакомая, все время молчащая прислужница повела ее по витиеватым коридорам. И уже через пару минут они оказались снаружи, сели на заранее приготовленный, ждущий их гольф-кар. Ника невольно усмехнулась – ощущение, что она не в плену, а правда, в каком-то люксовом отеле на отдыхе. Мысли тут же остались далеко позади, когда буквально через пару сотен метров они свернули по красивой аллее с выстроенными в ряд по струнке сочными платанами в направлении удивительной красоты стеклянного сооружения. Когда они подъехали совсем близко, Ника поняла, что это оранжерея. Вокруг и внутри на нее сейчас смотрели сотни роз. Аромат стоял такой, что голову дурманило. Сердце невольно забилося – этот запах трогал самые тонкие, самые сокровенные струны ее души. И действительно, здесь и сейчас она сама впервые почувствовала себя виолончелью, на которой играют. Таким тонким, проникновенным был этот антураж абсолютной красоты и обволакивающей нежности.

Он вышел к ней на встречу сам. Обманчиво спокойный, обманчиво приветливый. Ника дернулась, когда Адам взял ее руку и приложил к своим губам, словно бы она была не бесправной и униженной пленницей, а его почетной гостьей.

–Я рад, что ты сделала правильный выбор, Ника...

Она промолчала.

–Пойдем. Хочу тебе кое-что показать. Ты человек искус-

ства, должна оценить, – его рука легла на ее талию. По телу произвольно пробежал ток. Всё это, конечно же, от нервов...

Стоило им зайти в сражающее утонченностью и красотой стеклянное помещение, обоняние начал ласкать весь сладкий спектр запаха роз.

Адам выждал паузу, дав ей оглядеться по сторонам.

–Красиво...-неволью слетело с губ Ники.

–Ты, возможно, слышала, что за Таифом, этой удивительной горной местностью, исторически закреплено звание столицы роз. Здесь, собственно, этот цветок и появился. До сих пор таифские розовая вода и розовое масло ценятся как самые уникальные, обладающие самым богатым ароматом и целебными свойствами. Действительно, мало что может сравниться с обескураживающей красотой розовых плантаций, особенно на заре – когда только раскрывшиеся бутоны наполняются нежной росой и украдкой начинают кидать трепетные взоры на первые солнечные лучи. Розы прекрасны своей невинностью, Ника. Они полны уступчивости и кротости. Отдают свой аромат совершенной, абсолютной простотой, – подошел сзади, очень близко. Так, что его дыхание чувствовалось на ее шее, – их встреча с солнцем подобна первому контакту девушки с мужчиной. Когда она впервые познает его власть и силу над ее телом. Неизбежность своей зависимости.

–Посмотри, -продолжил он, указав на первый развеси-

стый куст шиповника перед ними, ухоженный, но, конечно же, меркнувший на фоне остальных жителей этой сказочной оранжереи, – это ведь тоже роза. Но насколько она теряет на фоне других своих соперниц. Словно дичка, колючая, с лохматыми, неопрятными бутонами. Даже аромат вроде бы и приятный, но навязчивый. Послушай...

Ника нагнулась к цветку, почувствовав, как его большая ладонь призывает ее к этому, скользя по оголенной коже на спине.

Она так не хотела облачаться в это открытое платье. Вроде бы и не помпезное, а все равно, какое-то чрезмерное. Завязка на шее под самое горло, ниспадающий к полу каскад шелка приятного розовато – алого цвета, голая спина. Для прогулки в каком-нибудь летнем курортном городке оно было бы как ничто иное уместно, но сейчас. Перед ним... Снова это заставляющее пальцы на ногах поджиматься чувство уязвимости.

–А теперь оглянись по сторонам, Ника... Что ты видишь? Девушка не совсем поняла его вопрос с подвохом. Всё пыталась уловить, что именно он хочет сказать. Очевидно, что она видела...

–Потрясающие розы... Разнообразие цветов, форм, ароматов...

Адам улыбнулся.

– «Перед ним был сад, полный роз. – Добрый день, – отозвались розы. И Маленький принц увидел, что все они по-

хожи на его цветок. – Кто вы? – спросил он, пораженный. – Мы – розы, – отвечали розы. – Вот как... – промолвил Маленький принц. И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!» Знаешь, откуда это?

Ника молчала. Адам снисходительно кивнул. Он и не ожидал от нее другого. Virtuозная игра на виолончели отнюдь не означала, что девушка будет интеллектуально подкована. Напротив, как правило, люди подобных профессий имели весьма узкие интересы. А Сент-Экзюпери знают немногие даже среди эстетов.

– В детстве, Ника, я очень любил сказку о «Маленьком принце», слышала?

Она снова молчала. Макдиси едва скрыл улыбку от ее предельно напряжения. Словно жертва перед лицом хищника, она сейчас трепетала. Это заводило...

– Мне тоже хотелось окружить себя прекрасными розами. И поэтому я...

– Решил завоевать эту провинцию? – закончила за него Ника.

– Освободить. Я дал народу право выбора – провел референдум. И они выбрали меня. Посмотри, в какой цветущий край я превратил некогда погрязшую в коррупции и порухе, Аллахом забытую область Саудовской Аравии. Подо мной здесь все в буквальном смысле цветет и пахнет...

–Разве Вы сами только что не сказали, что розы здесь росли испокон веков? Так что изменилось? Почему с Вами стало лучше?

–Изменилось оформление, Ника. Это как с шиповником. Я облагородил его. Дал его потенциалу раскрыться. Культивировал из него прекрасную розу. Таифские плантации роз были знамениты на весь мир, но только при мне они стали приносить реальный доход, давать столько урожая. Только при мне за их масло стали устраиваться в буквальном смысле коммерческие войны косметическими гигантами...

Снова его рука у нее на позвоночнике, прохаживается по его вертикали, очерчивает косточку за косточкой. Параллельно Адам направляет ее вглубь оранжереи – очередная живописная, на этот раз увитая цветами, арка, как он любит – и они оказываются в рабочем кабинете, организованном прямо среди кустарников цветов, словно бы на открытом воздухе... Увидь она фото такого пространства, не поверила бы, что оно и правда существует.

–Ну что, впечатляет? Одно из любимейших моих мест для работы.

–Красиво. Впрочем... Как и все остальное в Вашем дворце, вот только... Не кажется ли эта идеальная красота Вам мертвой?

–Мертвой? -Удивился он ее словам? Что же может быть мертвым, если мы среди цветов...

–Мне дарят много букетов на выступлениях. Больше все-

го я люблю те, что были сделаны из цветов, сорванных хозяйками со своих клумб. Пусть они и неидеальны, как тот шиповник, зато... Они настоящие... А самое нелюбимое – это селекционированные розы. Эдакое совершенное творение. Огромные, мясистые бутоны, четкая кромка лепестков, растянутый цвет, отсутствие шипов на толстом стебле, который очень удобно срезать и почти невозможно сломать... Красиво, но... словно бы не про жизнь. А еще... Еще они совершенно не пахнут... Это розы словно бы из пластмассы...

Адам хмыкнул, задумчиво посмотрев на девушку.

– Знаешь, почему я позвал тебя сюда, Ника? – спросил, наступая и автоматически подталкивая к шикарному, сделанному из толстого стекла столу.

Девушка словно бы почувствовала угрозу, начала отступать, пока не уперлась бедрами в край стеклянной поверхности. Он надвигался.

Сама не поняла, как ловко он усадил ее на столешницу, обжегшую бедра через тонкую ткань платья холодом своей поверхности.

– Хочу показать тебе разницу между шиповником и розой из моего цветника... – он говорил, а его руки колдовали. Непонятно откуда по углам стола оказались веревки, заранее здесь приготовленные, которые Адам умело обвил вокруг ее ног и рук, распяв тем самым, и обездвигил, – пока ты была просто дичкой, Ника. Сорняком. но в тебе гораздо больше потенциала... тебя можно окультурить...

Ника начала беспомощно дергаться, но безрезультатно. Его порочная улыбка и помутневшие, как зелёная заводь, глаза говорили о том, что он предвкушает все, что хочет с ней сделать.

Одним движением задрал платье до шеи.

Девушка приглушенно вскрикнула, когда в его руках блеснул нож. Секунда – и его тонкое зеркальное лезвие заскользило по ее цвета слоновой кости коже. Замерла. Адам усмехнулся. Момент – и тонкая сталь рассекла ее красивое кружевное белье – сначала бюстгальтер, потом трусики.

– Это нам сегодня не понадобится. Хочу рассмотреть тебя.

Его руки начали гладить ее кожу – Ника снова задергалась. Паника охватила каждую клеточку ее тела. Сердце неистово забилось. Вот так быть прикованной к столу – не иметь возможности пошевелиться. Это ощущение душило ее, как рыбу, оказавшуюся на берегу.

В руках Адама теперь была роза. Ника зажмурила глаза что есть силы, когда нежные лепестки бутона коснулись ее воспаленной кожи. Тело было напряжено до предела, любое прикосновение нестерпимо ярко отдавалось во всех его частях.

– Ты мало что пока понимаешь в чувственности, Ника. Твоя незрелость очевидна, хоть ты и умеешь играть. Хоть в тебе и есть природная сексуальность. Истинная чувственность женщины может открыться только через равное познание и ласки, и боли. Смотри, как приятно. Разве может быть

что – то на свете нежнее розовых лепестков? Разве только лепестки у девственницы между ножек.

Теперь он ласкал бутоном ее плоть, нежно, почти невесомо проводя поверх складочек.

–Так красива. Так невинна.

–Нет, не надо. Пожалуйста...-пыталась она вывернуться от этих прикосновений, но тщетно.

Адам убрал бутон, поднеся его к своему лицу. Вдохнул.

–Какой аромат. Истинная роза, только-только раскрывающаяся. Не шиповник, я не ошибся...

Его руки снова опустили на нее цветок. Только на этот раз он начал двигаться от ступней вверх. Ника вскрикнула, когда почувствовала, как кожу теперь довольно ощутимо царапают шипы той же самой розы.

–А вот боль, Ника. Грубость, требовательность. Она тоже неизбежна, когда женщина принадлежит мужчине. Вслушайся в свои ощущения. Тебе только больно? Нет. Тебе хорошо. Упоительно хорошо. Ты сейчас на грани экстаза даже сильнее, чем от нежной ласки. Все дело в гормонах. Против природы не пойдешь. Твое тело ждет этой боли, готовит тебя к ней – в кровь впрыскивается дофамин, серотонин и адреналин. Гормоны счастья, удовольствия и острых ощущений. Так устроена наша биология. Женщина еще в доисторические времена испытывала наслаждение от правильного насилия – когда не ломают, а укрощают, приручают. Маленький принц приручил свою розу. Она стала для него особенной,

хоть и была, как тысячи других. Так и с женщинами – если ты хочешь стать мало-мальски интересной мужчине, тебе нужно раскрыться для него. Иначе твоего лица на утро и не вспомнят.

Когда острые шипы начали царапать внутреннюю поверхность ее бедер и лобок, а потом уже и ее плоть, Ника не выдержала, вскрикнула.

Этот злодей действительно знал, что делает... Каждое его движение было выверенным, словно бы бросок опытного хищника.

Он нагнулся к ее промежности и демонстративно глубоко вздохнул.

–Ммм, как раскрывается твой аромат от боли, Ника. А еще от того, что ты сейчас беспомощна, зависима от меня. Вы, женщины, любите уступать дорогу своей истине, которую пытаетесь запрятать за дурацкий феминизм нашего времени. Вот она, твоя истина, Ника. Быть зависимой. Подчиняться. А не строить из себя секретного агента-киллера...

–Нет, – ее тело дернуло, словно бы от заряда тока.

Второй рукой Адам направил его лицо на нее так, чтобы их взгляды пересеклись. Она хватала ртом воздух, как рыба. А он торжествовал.

Роза была отброшена в сторону – и ее место заняли его пальцы – настырные, умелые. Он начал растирать ее клитор, без предупреждения заполнил ее своим пальцем, от чего она дернулась.

–Какая узкая даже для моего пальца. Мокрая...-посмотрел вниз, – твои нижние губки действительно такие же влажные и сочные, как и верхние. Я не ошибся... Красавица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.